ОТРАЖЕНИЕ ДРЕВНЕВОСТОЧНОЙ ЖАТВЕННОЙ
МИФОЛОГИИ В ЗАГАДКЕ О ПШЕНИЦЕ

С. Б. АРУТЮНЯН

В армянской устно-народной традиции в нескольких вариантах бытовала загадка о пшенице.

ա. Քուրով թրատեցին զիս,
Սուրով սրատեցին զիս.
Մեռա ես, կորա ես,
Առջի տարին ելա ես¹:

а. Мечом рассекли меня,
Саблей срубили меня.
Умер я, исчез я,
И снова в прошлом году вырос я¹.

Загадочная ситуация более подробно описывается в следующих двух вариантах:

բ. Սաղ էր, մեռավ,
էլը՞ (դարձյալ) սաղացավ,
Սուրով կարեցավ,
Քյար-քյարի վերեն կոճվեցավ (աղալ),
Մտա՞յ տրժյոխք,
էլավ մեր խուզիվ (հոգի) ճար:

б. Был живым, (но) умер,
Опять воскрес.
Мечом отсекали его,
Камнями мололи его.
Вошел он в ад,
Стал полезным для наших душ.

դ. Սիրելի եղրայր,
Մեռար և հող դարձար,
Հարյար և կենդանացար,
Ի սրե սուր ետ նտրեցար,

¹ С. Б. Арутюнян, Армянские народные загадки, Ереван, 1965, стр. 48 (на арм. яз.).

Քարով քարկոծեցար,
 Մտար գեհեն,
 Հրիր մեր հոգուն քար (օգուտ):

г. Милый брат

Ты умер и стал прахом
 Воскрес и стал живым,
 Потом мечом рассекали тебя,
 Камнями побивали тебя,
 Вошел ты в ад
 И стал полезным для наших душ.

Все варианты приводимой загадки были записаны в разных районах Западной Армении (в восточных областях Малой Азии). Два последних варианта из Вана, а первый—из Хотерджура (близ Эрзерума) и из Крыма, куда, начиная с X века переселялись армяне из Западной и Восточной Армении.

В первом варианте загадки говорится о жатве, молотье, посеве и росте пшеницы. В остальных же двух вариантах аллегорически описывается всход, рост, жатва, помол пшеницы, выпечка в торне хлеба из пшеничной муки и употребление его.

Один из древних вариантов данной загадки в более цельном и художественно обработанном виде сохранился в древнеармянских манускриптах, хранящихся в Институте древних рукописей Еревана (Матенадаран), за № 7703, 5128 и пр.

Տեսայ զիմ հոգւոյս հոգին,
 Որ մեռաւ ՚ի հող թաղեցաւ,
 Դարձեալ իմ սիրոյս համար,
 Ինքն յարեաւ ու շաա դատեցաւ.
 Կամաւ նա ի սուր եկաւ,
 Եւ քարամր խիստ քարկոծեցաւ,
 Ի գեհեան ՚ի հուր մրտաւ,
 Իմ հոգւոյս հոգի նա զարձաւ:

Я видел дух души моей,
 Что умерла, схоронилась в земле,
 Но из-за моей любви
 Воскресла и обрекли ее на многие страдания.
 Волею своею она пошла под меч,
 Камнями побивали ее.
 В пламя ада она вошла
 И духом души вновь стала она.

Следует отметить, что в армянском языке нет категории рода, поэтому в русском переводе женский род для обозначения персонажа загадки принят условно, т. к. слово пшеница женского рода.

Во всех вариантах (ср. прозвище «милый брат» в третьем варианте) речь идет о муже-герое, который умирает и воскресает, страдает и, наконец, становится спасителем страдающих душ.

Последний рукописный вариант загадки, как и некоторые другие, приписывается великому армянскому поэту, крупному церковному деятелю, автору XII века Нерсесу Шнорали (Благодатный). И это не без основания. Нерсес Шнорали в истории древнеармянской литературы по праву считается основоположником новых литературных жанров, в том числе и загадок². Его перу принадлежат более 120 загадок, написанных в единой метрической системе и стилистической форме. Впервые Шнорали привнес в литературный обиход загадку как жанр, и его литературный авторитет был настолько велик, что впоследствии многие анонимные и литературно обработанные загадки приписывались ему.

Письменный вариант загадки о пшенице не принадлежит Нерсесу Шнорали по следующим соображениям. Во-первых, все загадки Нерсеса Шнорали написаны ямбическим двучленным восьмисложным стихом, т. е. 4+4 или [2+2]+[2+2]. Это один из излюбленных метрических размеров Шнорали, он характерен вообще и для армянской поэзии. Письменная литературная загадка о пшенице написана стихом *айрен* (т. е. по-армянски). Айрен—ямб-анapestовый стих состоит из 15-и слогов, после каждого седьмого слога имеет прочную цезуру, благодаря чему стих разделяется на две части, т. е. на двустушия. Каждое двустушие состоит из двух, семи и восьмисложных полустихов со следующим сочетанием стоп: ямб-анapest-ямб, анapest-ямб-анapest³.

Данный стихотворный размер был самым популярным и излюбленным в средневековом армянском фольклоре, особенно в гусанской поэзии, и, начиная с XIII столетия, с процессом становления армянской светской литературы, он проникает в средневековую армянскую поэзию.

Правда, айрен встречался и до этого в произведениях авторов армянского средневековья (Григор Нарекаци, Нерсес Шнорали и др.), но использование его носило редкий и случайный характер.

Некоторые исследователи считают Нерсеса Шнорали автором более 300 загадок, из коих, насколько нам известно, только три написаны данным стихотворным размером⁴. Последние, кроме размера, разнятся от основного наследия Шнорали также по стилистическим особенностям, количеству строк и строф.

Во-вторых, у Шнорали есть другая загадка о пшенице, написанная восьмисложным ямбическим стихом, которая в несколько иной форме отражает ту же самую ситуацию, что и в предыдущих загадках.

² М. Абегиан, История древнеармянской литературы, том II, Е., 1946, стр. 88. 94 (на арм. яз.).

³ М. Абегиан, Метрика армянского языка, Е., 1933, стр. 267 и сл. (на арм. яз.).

⁴ А. Мнацаканян, Об айренах и о Наапете Кучаке, «Историко-филол. журнал», 1958, № 2 (на арм. яз.).

Մեռանիմ և մահանամ
 Դարձեալ յառնեմ կենդանանամ.
 Զաշս ի յերկինս համրանամ,
 Բազմաստեղօր սլաշծառանամ⁵:

Умру и скончаюсь
 Снова воскрешаясь оживу,
 Вознесусь очами к небу
 Звезд снятием осенюсь.

Трудно, конечно, поверить, что тот же автор одновременно написал два стилистически разных варианта загадки об одном и том же предмете, используя ту же аллегорию. У Шнорали нет другого такого примера. Наше сравнение лишний раз подтверждает высказанное в арменоведческой литературе мнение о том, что многие загадки Шнорали имеют народную основу⁶.

Что же касается загадки со стихотворным размером айрен, приписываемой Шнорали, то она является древним народным произведением, подвергнутым литературной обработке анонимом. Чем же аргументировано подобное утверждение? Айрен не только стихотворный размер, но и, как это показал в своем труде М. Абебян⁷, особый вид песни в древнеармянском фольклоре, написанной именно в данном размере. Авторами их являются средневековые армянские народные профессиональные певцы-гусаны.

Под названием «айрен» известны лирические песни разного характера: о любви, весельи, колыбельные, плачи и др.

Самое древнее сведение об «айренах» мы находим у величайшего поэта армянского средневековья Григора Нарекаци (X век). В своей поэме «Книга скорбных песнопений» Нарекаци сообщает, что плакальщицы, слагающие песни, «по гласу стенаний располагают слова, приводя к одной и той же букве окончание строф, чем, еще сильнее причиняя боль, раздирая печаль сердца, вызывают потоки слез». И далее сам поэт сочиняет всю эту песню размером айрен, заканчивая стих рифмой на «и»⁸.

Загадка о пшенице начинается мотивом «տեսայ զիմ հոգւոյս հոգին» (т. е. я видел дух души моей), очень распространенным и обычным для гусанских айренов. Помимо этого, упомянутая загадка в средневековых рукописях встречается в песенных сборниках, как песня⁹, и одновременно в сборниках загадок как загадка. Это свидетельствует о том, что в средние века данную загадку пели как отдельную песню. Несмот-

⁵ Н. Шнорали, Стихи, Венеция, 1830, стр. 584 (на арм. яз.).

⁶ Г. Срвандзтянц, Манана, Константинополь, 1876, стр. 311 (на арм. яз.).

⁷ М. Абебян, Древние гусанские народные песни, Ереван, 1931, а также сочинения, т. II, Ереван, 1967 (на арм. яз.).

⁸ М. Абебян, История древнеармянской литературы, том I, Ереван, 1948, стр. 482.

⁹ А. Чопанян, Цветник айренов, Париж, 1940, стр. 399 (на арм. яз.).

ря на то, что издатели древних айренов эту песню помещали в разделе пазидательных песен, она ничего нравоучительного не содержит. Напротив, в песне-загадке значительно больше выражен мотив скорби, чем назидания.

Разные версии загадки о пшенице распространены в фольклоре и других народов Евразии. Например, версия о колосе, записанная Рыбниковой в Уральской области:

В земле умираю,
С весной оживаю,
Летом меня срежут и свяжут
Потом для веселья
По свету гулять пустят¹⁰.

Исландская версия, сравнивает зерна пшеницы с людской толпой:

...Когда придёт роковой день расправы
И мы превратимся в порошок,
На нас нападут пенные водопады, перебрасывая скалы.
После расправы мы имеем новые метаморфозы.
Разбегаясь из теплого ада,
Мы пребываем везде и становимся желательными для
мужчин и женщин и т. д.¹¹

Английская загадка, сравнивая всходы и рост пшеницы с младенцем и юношей, гласит:

...А потом я стал честным юношей,
Жнец меня срезал, во сноп завязал,
Потом меня понесли на сеновал,
Думал, там будет безопасно.
Туда вошел человек с двузубцовыми вилами,
Он меня расстелил по земле,
Спину сломал, мозг снял.
И из-за моих мучений, он мне так отплатил¹².

Арчер Тейлор одной из самых древних версий считает следующую сирийскую загадку:

Я стоял, как копье,
Меч меня ударил своим острием,
Бык растоптал меня своими ногами,

¹⁰ М. А. Рыбникова, Загадки, Academia, М.—Л., № 1364

¹¹ Archer Taylor, English riddles from oral tradition, Berkeley and Los Angeles, 1951, p. 251.

¹² Там же, стр. 253.

Ветер унес мои одежды,
Я обнаженный вошел в дом моего хозяина,
Хозяин получил от меня большое удовольствие¹³.

Интересной и важной версией, по его мнению, является загадка арабского автора XI—XII-ых веков Ал. Х'арири. Он аллегорически описывает весь процесс изготовления хлеба, начиная с помола пшеницы и кончая выпечкой его в торне.

Лицо у него [формы] полнолуния и цвета жемчужины,
Имеет чистый корень и измученное тело.
Его побивают и протягивают, арестовывают и освобождают,
Заставляют пить и после этого упражняться,
Потом толкают в огонь, после того, как дают пощечину¹⁴.

Историческое значение данной версии по Тейлору заключается в том, что книга Ал. Х'арири неоднократно переписывалась и тем самым способствовала распространению данной темы.

Итак, перед нами разные версии загадки о пшенице, общетипологический сюжет которой сводится к следующему: молодой человек умирает, воскресает, подвергается жестоким мучениям, и, наконец, входит в огонь (ад) и становится полезным и приятным для всех. Под этой аллегорией, как мы уже видели, подразумевается вся «жизнь» и «приключения» пшеницы, начиная с зерна до выпечки хлеба. И поэтому Тейлор эту загадку относит к типологической группе так называемых биографических загадок¹⁵.

Главное, по мнению Тейлора, в том, что аллегорическая ситуация загадок о пшенице, винограде и петухе в средние века примитивными средствами народной загадки напоминала жизнь и мучения Христа, оставаясь, в то же время, точным описанием разгадываемого объекта¹⁶. То, что жизнь и мучения Христа послужили удачной аллегорией для описания загадочных ситуаций биографического характера, бесспорно. Но этим вопрос еще не исчерпывается. Дело в том, что понятие умерщвления, воскрешения, мученичества, связанного с пшеницей, имеет более глубокие этнографические корни, чем общая модель легенды о жизни Христа.

В этнографической литературе довольно убедительно показано, что умирающие и воскресающие боги растительности Древнего Востока: Озирис, Таммуз, Адонис и Аттис являются, главным образом, божествами хлеба, т. е. пшеницы, ячменя и пр.¹⁷. По мифическим воззрениям оби-

¹³ Там же, стр. 252.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 236 и сл.

¹⁶ Там же, стр. 249.

¹⁷ См. Д. Ж. Фрейзер, *Золотая ветвь*, вып. III, *Умирающие и воскресающие боги растительности*, М., 1928.

тателей Древнего Востока посев и выращивание хлебных злаков и особенно пшеницы рассматривался как погребение и воскрешение божества (или духа) хлеба. А жатва спелых колосьев, обмолот, развевание и молотьба зерна воспринимались как умерщвление и мучения хлебного божества (или духа). По сообщениям античных авторов, культ умирающих и воскресающих богов Озириса в Египте, Таммуза в Вавилонии, Адониса в Финикии, Аттиса во Фригии, сопровождался особыми мистериями и церемониями. Нас интересуют, в данном случае, те церемониальные обряды, которые связываются с жатвой хлеба, где более наглядно вырисовываются черты хлебного культа указанных божеств, а также комплекс мифических представлений, характеризующих сущность их умирания и воскрешения. По сообщению Диодора, в древнем Египте «жнецы имели в обычае оплакивать первый сжатый сноп, призывая Изиду».

Эти жалобные гимны и вопли египетских жнецов греки называли «манерос», что означает «вернись домой». «Слова «таа-пе-нга» произносились жнецами в качестве причитания над умершим духом хлеба (Изидой или Озирисом) и в качестве молитвы, призванной вернуть духов». Как метко замечает Джемс Фрейзер «раз это причитание произносилось над первыми колосьями сжатого хлеба, то египтяне должны были представлять себе дух хлеба как существо, пребывающее в первых срезанных колосьях и умирающее под серпом»¹⁸.

Данное обстоятельство более наглядно выступает в финикийской жатвенной мифологии.

На берегу сирийского залива Минет эль-Бейда, недалеко от Латакие в кургане Рас-Шамра в 1929 г. были обнаружены подлинные финикийские тексты, восходящие к XVI—XIII вв. до н. э.¹⁹ Из этих религиозных ритуальных текстов выделяются четыре, так называемые, *Dapel*, *Nikal-Koşaroth*, *Apat II*, частично и эпос о борьбе Алейан-Баала с Мотом, которые по свидетельству акад. Н. М. Никольского связаны с финикийской жатвенной мифологией и обрядностью²⁰.

В эпосе о Алейан-Баале, по Никольскому, описывается один из обрядов, сопровождающих жатву²¹. Здесь описывается умерщвление Мота богиней Анат: «Анат схватывает Мота, сына богов, мечом она отсекает его, веялкой она развевает его, в огне она сжигает его, в мельнице она размалывает его, в поле она сеет его, чтобы есть его плоть, чтобы поклевали птицы долю свою»²².

«Совершенно бесспорно,—пишет Никольский,—что здесь описывается символический обряд уничтожения последнего снопа, духом которого считается Мот, и магических манипуляций, постулирующих благопо-

¹⁸ Там же, стр. 140.

¹⁹ Н. М. Никольский, *Этюды по истории финикийских общинных и земледельческих культов*, Минск, 1948, стр. 5 и сл.

²⁰ Н. М. Никольский, *Финикийская жатвенная мифология и обрядность*, ВДИ, № 2, 1946, стр. 21.

²¹ Там же.

²² Там же, стр. 22.

лучный, сытый год и будущий успешный посев; вполне ясно, что под «мечом» Анат надо разуть сноп, а под сожжением Мота—сожжение вымолоченной соломы. Подобные обряды совершались и совершаются еще теперь в той или иной форме у целого ряда земледельческих народов»²³. Никольский, основываясь на данных финикийской мифологии и остальных текстах, предполагает, что в указанном эпизоде имеет место позднейшее искажение имен: вместо бога Мота должно быть имя «сына земли» (Mašte Dapaty), духа созревшего хлеба, Акхат²⁴. Как справедливо указывает Никольский: «Это миф о «живом жите», «умерщвляемом», т. е. срезанном, и потом оживающем и вырастающем. На последующей стадии развития этого мифа «живое жито» было заменено «духом жита» или «духом хлеба», который получил имя Акхата»²⁵.

Исследователи древневосточной мифологии в культуре финикийского Акхата видят древнейшие формы культа Адониса²⁶, который отождествляется с Таммузом, так как настоящее имя бога было Таммуз, а Адонис происходит от семитического «адон» (господин, господ): с таким почетным титулом при поклонении обращались к Таммузу²⁷. Плакание Адониса является «по существу обрядом жатвы, предназначенным умилостивить бога хлеба, который во время жатвы погибал либо под серпами и косами жнецов, либо под копытами волов на току... Это насильственное убийство «хлеба» совершаемое человеком, который срезает колосья в поле, который молотит их на току, который размалывает зерна в порошок на мельнице»²⁸. Такой характер имеет также и фригийский Аттис: его называли «зеленым (или желтым) колосом сжатого хлеба». «Миф о страданиях, смерти и воскресении Аттиса истолковывался, как рассказ о зрелом хлебе, раненном жнецами, похороненном в риге и воскресающем к новой жизни, когда его сеют в землю»²⁹. Ритуал плакания Таммуза или Адониса, однако, еще долгое время не исчезает у некоторых восточных народов и после победы и торжества христианской и мусульманской религии. По свидетельству арабского автора X века Ан-Надима, еще в средневековье сирийские язычники Харрана совершали обряды, посвященные Таммузу. «Около середины этого месяца (т. е. июля) справляется праздник «Эль Бугат», т. е. праздник плачущих женщин. Это праздник в честь бога Та-узе. Женщины скорбно оплакивают участь бога, ибо его господин убил его, размолотил его кости на мельнице и развеял их по ветру». Во время этого праздника женщины избегают есть пищу из муки и ограничивают свой рацион мочеными зернами, финиками, изюмом и т. д.»³⁰.

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 24—25.

²⁵ Там же, стр. 25.

²⁶ См. И. А. Стучевский, Восточные корни мифа о Христе, М., 1958, стр. 30.

²⁷ Д. Ж. Фрейзер, Золотая ветвь, вып. III, стр. 40.

²⁸ Там же, стр. 54.

²⁹ Там же, стр. 68.

³⁰ Там же, стр. 53. См. также ВДИ, № 2, 1946, стр. 22, И. А. Стучевский, Восточные корни мифа о Христе, стр. 31.

Таким образом, в древневосточных ритуальных церемониях, сопровождающих праздники умирающих и воскресающих божеств, олицетворяющих жизнь растительности и, в частности, хлебных злаков, особое место занимал ритуал оплакивания умерщвления и мучения бога хлеба.

Ритуал символизировал сбор хлебного урожая, (т. е. жатву), который по мифическим воззрениям древних воспринимался, как насильственное убийство бога хлеба, а дальнейшая обработка сжатых колосьев на току и хлебного зерна на мельнице, как неслыханные мучения тела любимого божества. Поэтому жнецы и их женщины стонали и оплакивали убийство бога хлеба, чтобы умилостивить и умиротворить его. В этих же целях совершался обряд уничтожения последнего снопа сжатых колосьев, сжигание и рассеивание их на полях. Это—древнейший земледельческий обычай жертвоприношения духа хлеба.

Данный обычай, сохранявшийся в разных формах у многих народов, осмысливался как акт магического воздействия на плодородие полей³¹. Загадка о пшенице, описывающая человеческое воплощение живого жита, его умерщвление, воскрешение и т. д. непосредственно базируется на древних верованиях в дух хлеба и частично на ритуале оплакивания жатвы пшеницы. Несомненно, вся типологическая группа биографических загадок, относящихся к хлебным злакам и даже к петуху (а петух в народных жатвенных обычаях часто выступает как животное, воплощающее дух хлеба)³², является разновидностью отображения в древних верованиях духа хлеба, бытовавших у разных земледельческих народов мира. Несомненно и то обстоятельство, что некоторые версии этих загадок в средневековье у христианских народов приспособлялись к напоминанию жизни и мучений Христа, т. е. нового бога, являющегося новым воплощением жития и деяний древневосточных культов умирающих и воскресающих божеств. Христианская религия, в свою очередь, способствовала сохранению и даже развитию нескольких сторон этих древних верований земледельческих культов в новом освещении. К влияниям культа христианского бога на загадки о пшенице можно отнести тот оттенок, где говорится о *душевной пользе*. Наверное, тут речь идет об испеченной из пшеничной муки просфоры, поедание которой по христианским воззрениям считалось причастием со святым духом. Но в этих загадках есть двойное понимание хлеба и просфоры, ибо и хлеб по народным воззрениям считается святым. Здесь мы сталкиваемся с переосмыслением древнего культа жертвоприношения духа хлеба. поедание просфоры есть не что иное, как древний обычай съедания тела глубокопочтенной жертвы бога хлеба. Этот церковный ритуал напоминает народный обычай сжигания последнего снопа, частичное поедание жаренных зерен и частичное развеивание их по полю, бытовавший у ряда земледельческих народов, в том числе и у армян. Так, во всех слу-

³¹ См. Wilhelm Mannhardt, Wald-und Feldkultus, Zweite Auflage, Erster Band, Berlin, 1904; zw.. Band, Berlin, 1905.

³² См. Д. ж. Фрейзер, Золотая ветвь, вып. III, стр. 165—166

чаях, загадка о пшенице, хотя и подвергалась влиянию религиозных воззрений разных эпох, связывается с культом бога-хлеба. Загадки о пшенице у восточных народов связаны с ритуальным оплакиванием бога хлеба Древнего Востока Адониса, Таммуза или Аттиса. Это видно и из совпадений тех выразительных и стилистических средств, которые имеются и в древневосточных жатвенных мифах, и в сирийских и армянских версиях загадки о пшенице. В финикийском эпосе Алейан-Баал умерщвление и мучение пшеницы описывается следующим образом: «Мечом она (Анат) рассекает его... в огне она сжигает его, в мельнице она размалывает его, чтобы есть его плоть...». Сравни со следующими местами армянских загадок о пшенице: «Мечом рассекали его, камнями мололи его, вошел он в ад (т. е. в огонь) и стал полезным для наших душ». В сирийской загадке, серп тоже сравнивается с мечом. Кроме того, армянский средневековый вариант загадки в стихотворном размере айрен бытовал и как самостоятельная песня. Как мы уже указали выше, данная песня имеет явные черты причитания. И если учесть тот факт, что по свидетельству Грнгора Нарекаци древнеармянские причитания были сочинены стихотворным размером айрен, то можно предположить, что указанная песня, бытовавшая когда-то у армян-язычников, подобно причитанию по богу Таузу у соседних сирийских язычников Харрана, является одним из пережитков ритуального оплакивания мучений и смерти хлеба.

Как уже доказано новыми арменоведческими исследованиями³³, в Древней Армении пользовался большим почетом культ умирающего и воскресающего божества, национальным воплощением которого в армянском пантеоне был Ара Прекрасный. Армянский пантеон в процессе своего расформирования подвергся влиянию семитического и иранского пантеона. Семитическое культурно-политическое влияние особенно сильно чувствовалось в Малой и Высокой Армении, где были записаны устные варианты загадки о пшенице. Богиня плодородия Анат дочь-супруга Алейан-Баала, часто выступающая в финикийских религиозных текстах имеет почти ту же функцию, что и армянская богоматерь, богиня любви и плодородия Анаит. В финикийских текстах выступает и бог жатвы Ара (дословно жатва)³⁴. В армянской мифологии под сильным влиянием ассиро-вавилонской культуры функции Анат, как божественной жницы, выполняет уже дочь Иштар, Шамирам-Семирамида, мечом которой был убит бог хлеба и растительности Ара.

По сообщению Мовсеса Хоренаци, Ара властелин Армении, а Шамирам—царица Ассирии. Однако, как «сладострастная, мужественная Шамирам» адекватна своей матери, семитической богине любви, воинственной и сладострастной богине Иштар-Деркетто, так и сказание об армянском Ара и Шамирам тождественно мифу о Таммузе и Иштар. Армян-

³³ Акад. Г р . Ка п а н ц я н, Культ Ара Прекрасного. Е., 1945. Н и к о л а й А д о н ц, Мирозрение древних армян, Бостон, 1926. А. М а т и к я н, Ара Прекрасный, Вена, 1930 (все на арм. яз.).

³⁴ ВДИ, № 2, 1946, стр. 29.

ский Ара также прекрасен, как Таммуз, Адонис и другие. Как Иштар своему любовнику, так и Шамирам обещает Ара власть и дары за исполнение своей воли. Но Ара не изъявляет согласия. Иштар в гневе умерщвляет своего любовника, а Шамирам «в сильном гневе» идет войной на Ара. Ара был убит. Далее, как великая мать Иштар, сильно горя, спускается в Сандарамет, чтобы воскресить своего любовника, так и Шамирам в армянском мифе, после того как на поле брани пал Ара, велела поднять труп его на крышу дворца и сказала: «Я приказала моим богам лизать его раны, и он оживет». В «Истории» Мовсеса Хоренаци конец мифа изменен, но Ара, по народным верованиям, ожил, воскрес³⁵.

По нашему убеждению, в мифе об Ара Прекрасном и Шамирам-Семирамиде таится сюжет жатвенного мифа древних армян, подвергнувшийся сильному видоизменению под влиянием последующих военно-исторических событий³⁶. А армянский средневековый вариант загадки о пшенице в размере айрен, повидимому, является одним из отголосков древних причитаний, исполняемых во время оплакивания умерщвленного бога хлеба в жатвенных обрядах язычников-армян.

ՀԻՆ-ԱՐԵՎԵԼՅԱՆ ՀՆՁԻ ԱՌԱՍՊԵԼԱԲԱՆՈՒԹՅԱՆ ԱՐՏԱՑՈՂՈՒՄԸ
ՑՈՐԵՆԻ ՀԱՆԵԼՈՒԿՈՒՄ

Ս. Բ. ՀԱՐՈՒԹՅՈՒՆՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո մ

Հայ ավանդական բանահյուսության և միջնադարյան գրականության մեջ մի բանի փոփոխականերով առկա է ցորենի մասին մի հանելուկ, որի տարբեր շրջանները տարածված են ասիական ու եվրոպական մի շարք ժողովուրդների գրական ու բանահյուսական կենցաղում:

Ուսումնասիրողներից ոմանք (Արչրր ԲՅՅԼՈՐ) այդ հանելուկները հորինված են համարում միջնադարում, Քրիստոսի կյանքի և տանջանքների աստվածաշնչյան առասպելի հիման վրա: Սակայն հանելուկի մոտիվների համեմատությունը հին-արևելյան մեոնոզ և հարություն առնող աստվածությունների պաշտամունքի և առասպելների հետ, հիմք են ծառայել հեղինակին հավաստելու, որ ցորենի հանելուկը, ինչպես հայ, այնպես էլ մյուս ժողովուրդների բանահյուսության մեջ, իր ազդադրական հիմքով սերում է հին-արևելյան մեոնոզ և հարություն առնող աստվածությունների առասպելների մոտիվներից, որոնք միջնադարում քրիստոնեական կրոնի ազդեցությամբ ենթարկվել են որոշ վերաիմաստավորման:

³⁵ См. М. А б е г я н. История древнесармянской литературы, том 1, Е., 1948., стр. 30—31.

³⁶ Данное толкование мифа об Ара Прекрасном более развернуто дано в другом исследовании автора, подготовленном к изданию.